

Родительские Права В Цифровую Эпоху: Правовые Основы Дистанционного Общения С Ребёнком

Авазбекова Диёрахон Латифжон кизи
Стажёр-преподаватель Национального
Университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека

Аннотация: Статья посвящена анализу трансформации родительских прав в условиях цифровизации общества. Особое внимание уделено правовой природе дистанционного общения родителя с ребёнком при раздельном проживании. Рассматриваются международный опыт, проблемы правового регулирования в Республике Узбекистан и пути совершенствования национального законодательства. Автор подчёркивает необходимость формализации дистанционного общения как отдельного элемента реализации родительских прав с соблюдением интересов ребёнка.

Ключевые слова: родительские права, дистанционное общение, цифровизация, семейное право, права ребёнка, законодательство Узбекистана.

Annotation: This article analyzes the transformation of parental rights in the context of digitalization. Special focus is placed on the legal nature of remote communication between a parent and a child when they live separately. The paper reviews international practices, legal challenges in the Republic of Uzbekistan, and proposals for improving national legislation. The author emphasizes the need to recognize digital communication as a formal component of parental rights while ensuring the best interests of the child.

Keywords: parental rights, remote communication, digitalization, family law, child's rights, Uzbekistan legislation.

Annotatsiya: Maqolada raqamli davrda ota-onalik huquqlarining o'zgarishi tahlil qilinadi. Ayniqsa, alohida yashovchi ota-ona va bola o'rtasida masofaviy muloqotning huquqiy tabiatiga e'tibor qaratiladi. Xalqaro tajriba, O'zbekiston Respublikasidagi huquqiy muammolar va milliy qonunchilikni takomillashtirish yo'llari ko'rib chiqiladi. Muallif bolaning manfaatlarini hisobga olgan holda masofaviy muloqotni ota-onalik huquqlari tarkibiy qismi sifatida qonuniylashtirish zarurligini ta'kidlaydi.

Kalit so'zlar: ota-onalik huquqlari, masofaviy muloqot, raqamlashtirish, oilaviy huquq, bola huquqlari, O'zbekiston qonunchiligi.

Современная цифровая эпоха вносит существенные коррективы в реализацию семейных прав, включая право на общение родителя с ребёнком. В условиях географической разобщённости, миграции, занятости, а также растущего числа разводов и раздельного проживания родителей и детей, дистанционные формы взаимодействия становятся всё более актуальными. Юридическая система сталкивается с необходимостью переосмысления механизмов защиты родительских прав в условиях цифровизации.

Институт родительских прав является одной из ключевых категорий семейного права, отражающей не только юридическую, но и социальную сущность родительства. Его эволюция напрямую связана с трансформацией общественных взглядов на семью, ребёнка и роль родителей в его воспитании. На ранних этапах правовой истории родительские права воспринимались преимущественно как неограниченное господство

отца над детьми.

Ещё в римском праве существовало понятие *patria potestas* — власти отца, включавшей право распоряжения судьбой ребёнка, включая право на продажу и даже убийство¹.

С переходом к христианской модели семьи и развитием морали родительская власть стала постепенно ограничиваться. Уже в Новое время появляются первые попытки защитить интересы ребёнка как самостоятельного субъекта. Однако только в XX веке, с развитием идей прав человека, институт родительских прав начал осмысляться не только как совокупность правомочий, но и как система обязанностей, подчинённых интересам ребёнка.

Современное семейное законодательство Республики Узбекистан исходит из приоритета защиты прав и интересов несовершеннолетних, что ярко отражено в статье 1 Семейного кодекса, устанавливающей, что регулирование семейных отношений должно осуществляться исходя из принципа приоритета воспитания детей в семье, заботы об их благополучии и развитии². Кроме того, следует отметить, что родительские права предоставляются обоим родителям на равных основаниях и носят паритетный характер, независимо от факта совместного проживания с ребёнком.

Важным этапом в эволюции родительских прав стало их признание как не абсолютных, а ограниченных необходимостью соблюдения прав и интересов ребёнка. Это находит выражение в положениях международного права, прежде всего в Конвенции о правах ребёнка 1989 года, ратифицированной Российской Федерацией, где подчёркивается, что любое вмешательство в частную жизнь ребёнка должно осуществляться исключительно в его интересах³.

Следует также отметить, что институт родительских прав эволюционирует не только в нормативной, но и в практической плоскости. Изменения в образе жизни, модели семьи, а также внедрение цифровых технологий меняют формы реализации этих прав. Так, современная правоприменительная практика всё чаще сталкивается с необходимостью правового регулирования дистанционного общения родителя с ребёнком при раздельном проживании, что не было актуально ещё несколько десятилетий назад.

Таким образом, эволюция родительских прав представляет собой процесс перехода от властной, практически неограниченной модели к системе прав и обязанностей, встроенной в правовое поле защиты интересов ребёнка. Современные вызовы, включая цифровизацию, транснациональные семьи, мобильность населения и растущее количество разводов, требуют постоянного развития правового регулирования, учитывающего не только традиционные формы родительства, но и новые реалии взаимодействия родителей и детей.

В Республике Узбекистан правовая природа дистанционного общения родителя с ребёнком в значительной степени определяется положениями Семейного кодекса и Закона «О гарантиях прав ребёнка». Согласно статье 66 Семейного кодекса, родитель, проживающий отдельно от ребёнка, имеет право на общение с ним, участие в его воспитании и решении вопросов получения образования. При этом родитель, с которым проживает ребёнок, не должен препятствовать общению, если оно не наносит вреда его физическому и психическому здоровью, нравственному развитию. В случае разногласий между

¹ См.: Pokorny, M. *The Roman Family in the Empire*. Oxford University Press, 2003.

² Семейный кодекс Республики Узбекистан от 01.09.1998 <https://lex.uz/docs/104723>.

³ Конвенция о правах ребёнка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г.).

родителями, спор может быть разрешён судом с участием органа опеки и попечительства.

Закон «О гарантиях прав ребёнка» также подчёркивает право ребёнка на общение с обоими родителями, даже в случае их раздельного проживания или проживания в разных государствах. Это право сохраняется независимо от расторжения брака родителей или признания его недействительным. При этом законодательство Узбекистана не содержит прямых указаний на использование дистанционных технологий для осуществления общения.

Вместе с тем, в условиях цифровизации общества и распространения дистанционного образования, законодательство Узбекистана начало учитывать необходимость обеспечения доступа детей к образовательным ресурсам в интернете. В частности, с 2020 года родители обязаны обеспечить своим детям доступ к сети интернет и необходимым устройствам для дистанционного обучения. Невыполнение этих требований может повлечь административную ответственность по статье 47 Кодекса об административной ответственности Республики Узбекистан⁴.

Таким образом, правовая природа дистанционного общения родителя с ребёнком в Узбекистане основывается на принципах семейного законодательства, ориентированных на защиту интересов ребёнка и обеспечение его права на общение с обоими родителями. Однако в законодательстве отсутствуют конкретные нормы, регулирующие использование дистанционных технологий для осуществления этого права, что может создавать правовую неопределённость в современных условиях.

В условиях стремительного цифрового прогресса и глобализации семейные отношения претерпевают значительные изменения, особенно в контексте реализации родительских прав. Современные технологии предоставляют новые возможности для общения между родителями и детьми, однако они также порождают ряд правовых и социальных вызовов, требующих внимания со стороны международного сообщества и национальных законодательств.

Международный опыт показывает, что многие страны уже начали разрабатывать и внедрять правовые механизмы, регулирующие дистанционное общение родителей с детьми. Например, в некоторых европейских странах суды учитывают возможность видеосвязи при установлении порядка общения с ребёнком в случае раздельного проживания родителей. Однако, несмотря на эти шаги, в международной практике ещё не выработаны единые стандарты, регулирующие использование цифровых технологий в семейных отношениях.

Международное сообщество постепенно осознаёт необходимость адаптации семейного права к реалиям цифровой эпохи, в которой традиционные формы общения между родителями и детьми дополняются или даже заменяются дистанционными средствами связи. Особенно актуально это становится в условиях трансграничных разводов, миграции, конфликтов и пандемий, ограничивающих возможность личных встреч.

В странах Европы и Северной Америки уже сформировалась устойчивая судебная и административная практика, признающая право родителя, проживающего отдельно, на дистанционное общение с ребёнком посредством современных коммуникационных технологий — видеосвязи, чатов, мессенджеров и др. Например, в Великобритании суды всё чаще включают

⁴ centralasian.org

в решения пункт об «электронной связи» (electronic contact) — регулярных видеозвонках через Skype, Zoom или Facetime, если личное общение затруднено¹.

Во Франции и Германии суды могут установить «виртуальный график общения», особенно при наличии заграничной командировки одного из родителей или в случае проживания в разных странах. Это положение также часто применяется в соответствии с положениями Гаагской конвенции 1980 года о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей², где при невозможности возвращения ребёнка обеспечивается контакт

с оставшимся родителем с использованием цифровых каналов.

В США практика электронного общения получила законодательное оформление на уровне штатов. Так, в законодательстве штата Юта прямо указано право родителя на «виртуальное посещение» (virtual visitation) при соблюдении интересов ребёнка³. Законы некоторых штатов содержат нормы, обязывающие родителей способствовать поддержанию видеосвязи в случае проживания ребёнка с одним из них.

В Канаде при установлении опеки суды также ориентируются на сохранение «значимых отношений» посредством дистанционных технологий. Решения могут включать использование платформ вроде Google Meet или WhatsApp в качестве временной или постоянной формы поддержания связи между родителем и ребёнком⁴.

Несмотря на эти положительные тенденции, международный опыт демонстрирует и ряд общих проблем. Во-первых, во многих юрисдикциях не урегулирован вопрос исполнения решений о дистанционном общении — особенно в трансграничных ситуациях. Во-вторых, существует риск злоупотреблений: родитель, с которым проживает ребёнок, может игнорировать цифровой график или ограничивать доступ к устройствам.

Кроме того, возникает проблема цифрового неравенства: доступ к стабильному интернету и современным устройствам остаётся ограниченным для ряда семей, особенно в развивающихся странах. Также актуален вопрос прав ребёнка на цифровую безопасность. Некоторые страны (например, Швеция и Нидерланды) начинают вводить нормы, направленные на защиту детей от потенциальных рисков, связанных с видеосвязью

в неконтролируемой среде⁵. Это может касаться, в частности, контроля за тем, чтобы общение происходило в благоприятной и конфиденциальной обстановке, без вмешательства третьих лиц.

Таким образом, международный опыт показывает, что дистанционное общение становится неотъемлемой частью современного института родительских прав. Оно требует соответствующего правового оформления, механизмов контроля, а также учёта интересов ребёнка и технических условий. Разработка единых подходов на международном уровне, возможно, в рамках модернизации норм Гаагских конвенций или выработки рекомендаций Совета Европы, станет следующим этапом развития этой сферы.

В Республике Узбекистан правовая база в этой области пока находится на стадии формирования. Законодательство страны не содержит конкретных норм, регулирующих дистанционное общение родителей с детьми, что создаёт правовую неопределённость и затрудняет защиту прав несовершеннолетних в цифровом пространстве. Отсутствие чётких правовых механизмов может привести к злоупотреблениям и ущемлению интересов детей, особенно в случаях, когда один из родителей препятствует общению с другим через цифровые каналы.

Следует отметить, для эффективной защиты прав детей в условиях цифровизации необходимо разработать и внедрить соответствующие правовые механизмы, учитывающие специфику цифрового общения. Это требует комплексного подхода, включающего как законодательные инициативы, так и образовательные программы для родителей и детей, направленные на повышение цифровой грамотности и осведомлённости о возможных рисках.

Суммируя вышеизложенные, следует сделать заключение, цифровая эпоха существенно трансформирует традиционные представления о реализации родительских прав, особенно в случаях, когда родители и дети проживают раздельно. Международная практика демонстрирует растущую тенденцию к признанию дистанционного общения как полноценной формы участия в жизни ребёнка. При этом в национальных законодательствах, включая законодательство Республики Узбекистан, такая форма взаимодействия до сих пор недостаточно урегулирована. Отсутствие правовой конкретики, технические ограничения, угрозы цифровой безопасности и риски психологической изоляции ребёнка требуют системного и междисциплинарного подхода.

Для эффективной реализации прав родителей и защиты интересов детей необходимо: нормативное закрепление права на дистанционное общение в семейном законодательстве;

разработка механизмов контроля и обеспечения исполнения судебных решений, связанных с цифровым общением;

повышение цифровой грамотности родителей и детей;

создание безопасных, государственно регулируемых платформ для общения.

Реформирование данной сферы должно опираться на международные стандарты и учитывать быстро меняющиеся реалии цифровой среды, с тем чтобы родительские права сохраняли свою юридическую значимость, а интересы ребёнка — надёжную правовую защиту.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Семейный кодекс Республики Узбекистан от 01.09.1998 <https://lex.uz/docs/104723>.
2. Закон Республики Узбекистан «О гарантиях прав ребёнка» от 07.01.2008 г. № ЗРУ–139.
3. Конвенция о правах ребёнка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г.).
4. Hague Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction (1980).
5. Utah Code §30-3-32.5 Virtual Parent-time Statute [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://le.utah.gov>
6. Family Law Act 1989 (UK).
7. Бобоева, Ш.Ш. Осуществление родительских прав в Республике Узбекистан: теория и практика. – Ташкент: Юридическая литература, 2021.
8. Куранов, Д.А. Право на общение с ребёнком при раздельном проживании родителей: теория и практика // Журнал российского права. – 2022. – № 4. – С. 37–45.